

3 (16) мая

Священномученик
Николай (Беневоленский)

Священномученик Николай родился 30 марта 1877 года в городе Москве в семье священника Владимира Павловича и его супруги Екатерины Алексеевны Беневоленских. Отец Владимир служил в храме в честь преподобного Симеона Столпника, сменив здесь своего тестя, священника Алексея Петровича Соловьева, отца будущего старца иеросхимонаха Алексия*. Николай стал впоследствии его любимым племянником и в свою очередь очень любил отца Алексия и во время учебы в Московской Духовной академии едва ли не каждое воскресенье посещал его. Летом 1897 года старец, тогда еще протоиерей Феодор, ездил вместе с ним выбирать себе место для жизни в монашестве.

«Приехали мы с ним к Троице, – вспоминал впоследствии иеросхимонах Алексей, – оттуда взяли извозчика и поехали в Параклит. День был жаркий, солнечный; мы ехали, все углубляясь в лес, и чем дальше мы ехали, тем глуше становилось: кругом все лес и такая благодать, что ты себе представить не можешь! Всюду зелень, деревья, трава, цветы, земляникой в воздухе пахнет; солнце светит сквозь чащу ветвей, птички поют, а кроме их голосов, кругом полная тишина и безлюдье, сердцу так легко, так хорошо от тишины. “Вот, – говорю я племяннику, – где может быть настоящее житие монашеское”. Вскоре увидели мы какие-то строения. Смотрим – деревянные домики простые и церковь, и все они обнесены деревянным забором. Входим в пустынь: кругом ни души, будто никто здесь и не живет: обошли мы все строения – никого. Наконец, натолкнулись на одного монаха, шедшего в обитель с косою на плече, видимо с работы. Мы к нему: “Где братия?” – спрашиваем. “На работе, на лугу, сено косят”. – “Можно церковь посмотреть?” Объясняем, кто мы такие. “Можно, – говорит, – сейчас будет вечерня, я сам иду к вечерне, я ведь пономарь”, – а сам с трудом переступает от усталости... Отпер он нам церковь, мы вошли в нее, очень она мне понравилась. “Вот, – подумал я, – где молиться хорошо!” Стали мы сбоку, ждем начала службы. Видим: входит старый инок, такой смиренный и скромный, становится в стороне, в углу, вместе с братией – это, оказалось, сам игумен, и старец там был, тоже замечательной жизни подвижник, и тоже встал смиренно позади всех. И братия все, хотя, видимо, усталые, только с послушания пришли, а стоят с полным вниманием и благоговением. Служба идет так чинно и чтение уставное – громкое, явственное, и пение стройное, неспешное; очень мне все это по душе было, и думалось мне, если будет на то воля Божия – вот где я найду успокоение...»

Промысл Божий, однако, направил пути старца в Смоленскую Зосимову пустынь Владимирской губернии, но он навсегда сохранил благодарные воспоминания о Параклите. Сохранил он и любовь к племяннику, ставшему впоследствии весьма уважаемым пастырем, так что после смерти иеросхимонаха Алексия, последовавшей в 1928 году, многие из его духовных детей стали окормляться у отца Николая.

* Преподобный Алексей Зосимовский (в миру Федор Алексеевич Соловьев), иеросхимонах; память 19 сентября/2 октября.

В 1892 году Николай окончил духовное училище, в 1898-м – Московскую Духовную семинарию и поступил в Московскую Духовную академию. Общаясь с отцом Алексием, посещая Зосимову пустынь и храмы Троице-Сергиевой Лавры, Николай стал склоняться к тому, чтобы посвятить себя всецело Господу в монашеском звании, и, проходя IV курс академии, в 1901 году направил прошение ректору, епископу Арсению (Стадницкому), в котором писал: «С ранних лет чувствуя любовь к Церкви и ее святым уставам, я привык под ее покровом искать покоя и заступления. В настоящее время это, прежде инстинктивное чувство перешло в сознательное, и я, насколько позволило мне еще малое наблюдение над собой, убедился, что без благодатной помощи Церкви, без ее особого руководства я нигде не могу найти себе покоя и утешения, а метусь и волнуюсь, как корабль, носимый волнами. Ближе же – время, когда я должен буду отправиться в мир, в это, по выражению церковной песни, житейское море. Кто же направит меня по волнам этого моря, кто будет моим кормчим, кто спасет и защитит, когда корабль будет погружаться волнами? Я верю и надеюсь, что в иноческой жизни, в духовном общении с людьми опытными в духовной жизни, в молитвенном настроении я найду душевный покой и силу, столь необходимые для успеха в дальнейшей деятельности служения Святой Церкви».

Епископ Арсений дал прекрасную характеристику своему студенту, и митрополит Московский Владимир (Богоявленский)* благословил постричь Николая в монашество. Но, решившись на принятие монашества, Николай стал затем сомневаться в посильности этого пути для себя и вскоре отказался от благого намерения. Обеты, в сердце данные Богу, пусть и не завершившиеся постригом, все же жили в душе и не раз, вероятно, им вспоминались – раскрытые объятия Отца, к которым устремившись тогда, он внезапно остановился. И как это тяжело оказалось потом, когда пришлось в дни исторические шторма, когда на Корабль Церковный налегала наводящая ужас стихия, заботиться не об одном лишь небесном, а, имея на попечении сродников, страдающих вместе с ним, и о земном.

Окончив в 1902 году Московскую Духовную академию, он был направлен преподавателем богословия в Орловскую Духовную семинарию. В 1909 году Николай Владимирович женился на девице Агнии, дочери священника Владимира Андреевича Воскресенского, служившего в храме Смоленской иконы Божией Матери на Смоленской площади в Москве. В том же году Николай Владимирович направил прошение митрополиту Московскому Владимиру с просьбой принять его в Московскую епархию и 27 августа 1909 года был назначен священником к Николаевской, что в Новой слободе, церкви в Москве и в том же году рукоположен во священника к этой церкви.

Став священником, отец Николай сразу же определил свое отношение к пастырской деятельности, что это прежде всего служение верующему народу. Многие из его прихожан были небогаты, и им отец Николай помогал материально, он никогда не брал плату за требы, когда видел, что люди ограничены в средствах.

В 1917 году отец Николай был назначен в храм преподобного Симеона Столпника, где служили когда-то его дед и отец, и затем был настоятелем этого храма до его закрытия. Несколько раз он служил здесь с Патриархом Тихоном, который приезжал в храм на престольные праздники.

* Священномученик Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский); память 25 января/7 февраля.

Священник Николай Беневоленский. 1910 год

В 1921 году отец Николай был награжден наперсным крестом, в 1923-м – возведен в сан протоиерея, в 1926-м – награжден крестом с украшениями, в 1929-м – палицей. В 1929 году храм преподобного Симеона Столпника был безбожниками закрыт, и отец Николай перешел служить в располагавшийся неподалеку храм Покрова Божией Матери на Лыщиковой горе.

Протоиерей Николай, служа в храме преподобного Симеона Столпника и затем в Покровском, жил с семьей в квартире на Николоямской улице, где находился храм преподобного Симеона Столпника. В 1918 году у семьи священника отобрали часть комнат, вселив в квартиру семью рабочих; семье священника были оставлены только две комнаты. В этой же квартире в одной из комнат жили брат отца Николая, ученый, и сестра, библиотекарь. В начале тридцатых годов к рабочим приехал погостить их родственник из деревни, который донес властям, что в квартире живет священник и занимает две комнаты, и потребовал его выселения. Работники жилищного управления, сочувствовавшие отцу Николаю, посоветовали ему поменяться комнатой с братом, оставив ему и детей, как бы на иждивение, и таким образом уладить конфликт. Так священник и сделал: поменялся комнатами с братом, поселившись всей семьей в одной комнате. Однако рабочий подал в суд на священника, чтобы того вообще выселили вместе с семьей из квартиры как людей, идейно чуждых установкам советской власти. Суд принял сторону жалобщика и потребовал от священника выехать из квартиры вместе с семьей в десятидневный срок.

Отец Николай обратился к приходскому совету Покровского храма с просьбой: выделить ему помещение под храмом, отремонтировав его, а что храм издержит на ремонт, то он постепенно постарается выплатить, так как уплатить сразу у него нет

возможности за отсутствием средств. Но приходской совет отказал священнику, и отцу Николаю пришлось уехать в Сергиев Посад, где его хорошо знали как родственника старца Алексия. Но и здесь ему не сразу удалось найти квартиру: он ходил по городу в рясе, и хозяева отказывались сдавать священнику комнату. Наконец кто-то посоветовал пойти к старосте храма святых апостолов Петра и Павла, где служили в то время лаврские монахи. Здесь семью священника приняли, а затем их пригласил к себе староста Ильинского храма, у которого был двухэтажный дом, и нижний этаж, где было три комнаты, пустовал. Из Сергиева Посада отец Николай ездил на службы в Покровский храм. Иногда он ночевал у брата, иногда – у кого-нибудь из прихожан. Одна из прихожанок, вышедшая замуж за преподавателя военной академии, предложила ему останавливаться у них. Ее муж сказал тогда отцу Николаю: «Батюшка, не ходите и не унижайтесь, мой кабинет всегда к вашим услугам!» И с этого времени отец Николай стал останавливаться у них.

В 1932 году в квартиру, которую отец Николай снимал с семьей в Сергиевом Посаде, пришли с обыском. Агния Владимировна спросила сотрудников ОГПУ, что им нужно, они ответили – «литературу»; они перевернули вещи, перетрясли детские игрушки и, ничего не найдя, ушли. Агния Владимировна послала дочь Веру в Москву в Покровский храм, где служил отец Николай, предупредить, чтобы он не приезжал в эти дни, так как дома был обыск и его могут арестовать. Вера тут же собралась и поехала. Брат Веры, который был старше ее на шесть лет, прислуживал отцу в алтаре, и отец Николай, увидев дочь, послал его спросить, что случилось. Она сообщила, что домой приходили с обыском и могут арестовать отца. В течение недели отец Николай оставался жить в Москве и не приезжал к семье в Сергиев Посад.

В 1933 году власти арестовали настоятеля Вознесенской церкви в Сергиевом Посаде, и протоиерей Николай подал прошение, чтобы его перевели в этот храм. Прихожане Покровского храма выразили неудовольствие, что священник оставляет приход, но отец Николай все же перешел служить в Вознесенский храм, потому что поездки из Посада в Москву становились для него все опаснее, так как он не имел никаких документов: в Москве в милиции требовали, чтобы он получал их по фактическому месту жительства, а в Посаде требовали документы с места его работы в Москве.

В 1934 году протоиерей Николай был награжден митрой. Во все время своего служения отец Николай всегда говорил проповеди, зачастую мало учитывая враждебную Церкви позицию советской власти, и его супруга неоднократно просила его, чтобы он воздержался от проповедей, но не проповедовать отец Николай не мог; он постоянно читал духовную литературу и считал своим долгом донести слово правды и знания до своих прихожан. Время было лихое, и со дня на день можно было ожидать ареста. Однажды глухой ночью в их квартиру постучали. Агния Владимировна открыла дверь. На пороге стояли два незнакомых человека, и один из них сказал: «Батюшка, мы приехали к вам, в деревне у нас умирает мать, просит причастить. Мы отказать ей не можем, поэтому мы приехали на телеге за вами. Пожалуйста, причастите». Отец Николай заколебался: нет ли тут какого обмана, и некоторое время молчал, и тогда заговорила супруга: «Ты не имеешь права отказывать! Ведь ты же едешь со Святыми Дарами! Чего ж ты боишься! Тебя Господь сохранит!.. Поезжай!» Отец Николай тут же собрался, поехал, исповедал и причастил умирающую.

В 1939 году в Вознесенский храм был назначен почетным настоятелем благочинный из города Можайска протоиерей Федор Казанский, имевший весьма

дурную славу в Можайске. К отцу Николаю на исповедь подошла тогда женщина и сообщила, что она специально приехала его предупредить, что этот священник чрезвычайно опасен и церковным людям уже принес много зла в Можайске, а об отце Николае они слышали только хорошее, и поскольку к нему приезжает много духовных детей из Москвы, ему надо быть осторожней. Это известие весьма опечалило отца Николая, и он стал думать, как ему избыть очередную беду. А новый настоятель – секретный осведомитель НКВД по кличке Лебедев – сразу же принялся за «работу».

«Алексеевщина, – сообщал он 1 апреля 1939 года своему куратору из НКВД, – это особая секта, происходящая от схимонаха... известного духовника паломников, приезжающих и приезжавших в Троице-Сергиеву Лавру, Алексия... Протоиерей Беневоленский (подробный материал о нем мной представлялся)... является по плоти и крови племянником... Алексия... и в полном смысле слова не только подражает ему, но типично старается ему уподобиться, его олицетворять, действовать в приходе именно в этом направлении, осуществлять деятельность Алексия. Весь фанатизм, вся контрреволюция, то есть такая, какая была в свое время в Путинках при Агафоне*, теперь находится именно здесь...

Говоря о Беневоленском, можно сказать даже так, что о нем именно и распространились по городу Загорску сведения, что он организатор темных сил. Человек с высшим образованием, корчит из себя монаха, увлекает народ для бесед в темные углы, читает им неизвестные книжки, дает секретные наставления “втихую”...»

«К настоящему времени продолжается и даже увеличивается в городе Загорске паломничество, – доносил он в очередной раз в НКВД. – При выяснении оказывается существующей основной причиной этого явления – укоренившаяся в городе Загорске алексеевщина. Алексий – это старец, схимонах, прозорливец, известный духовник всех паломников бывшей Троице-Сергиевой Лавры. Алексеевщина заключается в том же духовно-нравственном извращенном направлении, которое осуществлялось иосифовской группой духовенства – юродивыми и прозорливыми монахами. К этой именно группе в настоящее время особенно остро выявляет свою принадлежность племянник названного схимонаха Алексия – священник Вознесенской церкви города Загорска отец Николай Владимирович Беневоленский. Несмотря на то что он священник – почитается как монах. Он, Беневоленский, для привлечения к себе почитателей пользуется особенно своеобразными и резкими приемами. Судя по существующим разговорам, он, Беневоленский, очень любит частную исповедь... По его собственным словам, он повторяет жизнь схимонаха Алексия, своего дяди, и убежденно ему подражает... Особенно остро это сказывается в настоящее время, в период поста – массовых исповедей. Особенно заметно, что приезжающие паломники с целью исповеди бывают именно у отца Николая Беневоленского...»

После подобного рода доносов отца Николая в августе 1939 года вызвали в Загорское отделение НКВД, и один из сотрудников стал расспрашивать его о знакомых, о том, где ему приходится бывать, о налогах, которые приходится платить. В конце разговора он предложил священнику дать подписку, что тот обязуется сообщать в НКВД о тех лицах, которые настроены контрреволюционно. Отец Николай категорически отказался; тот стал уговаривать, но уговоры не

* Схиархимандрит Игнатий, в монашестве Агафон (в миру Александр Александрович Лебедев), преподобномученик; память 30 августа/12 сентября.

подействовали; тогда сотрудник НКВД заявил, что если священник даст подписку, то он меньше будет платить налогов, а если не даст – ему придется платить все налоги и в конце концов он может оказаться в тюрьме.

Дьявольское искушение почти всегда застаёт человека врасплох, чтобы человек не успел помолиться, воззвать за помощью к Господу, отогнать злую, враждебную силу молитвой, чтобы не самому ответить мучителю, но чтобы за него ответил Господь. «Не заботьтесь, как или что сказать...» (Мф. 10, 19), – завещал Христос. Дьявол же всей мощью налегает в это время на всякого, надеющегося на себя и потому беспомощного без Божьей поддержки человека, захватывая душу различными страхованиями, стараясь, чтобы проявилось в его душе малодушие, и отец Николай по малодушию дал подписку с обязательствами сообщать в НКВД обо всех контрреволюционно настроенных лицах под данной ему в НКВД кличкой «Схимник».

Однако память о старце и молитва дяди не оставили его. Выйдя из здания НКВД, он до глубины души осознал всю антихристианскую сущность принятого им предложения, совершенно для него невозможного, так как каждый шаг в эту сторону – это путь в неизбывную бездну, шествие вслед за Иудой к гибели.

Неделю отвел себе отец Николай пожить на свободе, а затем, собрав все необходимое для жизни в тюрьме, явился в некую московскую квартиру, назначенную ему сотрудником НКВД для конспиративных встреч, и заявил, что сообщать в НКВД о лицах, контрреволюционно настроенных, противно его убеждениям, этого он делать не будет. Отца Николая тогда не арестовали.

21 октября 1939 года секретный сотрудник «Лебедев» встретился со своим куратором из НКВД; и тот записал: «12 января 1939 года к источнику приходили представители Машутинского прихода Загорского района... Эти лица в этот день все стояли всю службу в церкви. В этот день источник служил, а Беневоленский исповедовал, и потому все названные лица были у него на исповеди. После службы, тут же в церкви, подходят они к источнику и просят дать им священников в их приходы, так как они “духовно изголодались, не имея давно в своих приходах священников и службы. Вот как у вас хорошо в церкви, служба хорошая и священники хорошие”. “Отец Николай – вылитый портрет и копия своего дядюшки, схимонаха Алексия. Все мы любим этого старца, а отец Николай нам его напоминает”, – сказали они. Источник пригласил их всех на квартиру. Здесь они начали ругать колхозы, заявляя, что они “ничего не дают крестьянам, а только требуют работы, церковных праздников не признают, молиться не дают. Так мы и сказали отцу Николаю. А он на это ответил: “Ищите священников для своих приходов. Будут священники – будет служба, и тогда все пойдут молиться, и колхозники пойдут в храмы, несмотря на все запрещения...” Беневоленский внушает колхозникам и колхозницам, приходящим к нему, что “колхозы – вражеское сатанинское дело, что они – сеть, которая, по Священному Писанию, будет накинута на людей перед кончиной мира...” Он внушает своим почитателям и в особенности почитательницам из колхозниц, чтобы они, несмотря на все запрещения советской власти, соблюдали все церковные праздники. И действительно, все преданные ему колхозники и колхозницы соблюдают все церковные праздники... И этим соблюдением... религиозных праздников... приносят весьма существенный вред государству и своевременному сбору урожая... Сверх этого, Беневоленский говорит, что не нужно бороться с нищетой (напротив, нужно подавать всем нищим милостыню), он заявляет, что разного рода лишения и страдания посылаются Богом

за грехи, что от наказания за грехи может спасти только вера во Христа Искупителя... Кроме того, Беневоленский внушает исповедующимся, чтобы они более заботились о спасении своей души, об открытии храмов и о приискании священников в те храмы, кои не функционируют... Таким образом, этим чада духовные Беневоленского превращаются по его совету в ходоков: они ездят в Москву в Патриархию, ищут священников для своих храмов. Все это известно источнику со слов колхозников и колхозниц – духовных чад Беневоленского, список коих при сем прилагаю...»

Чувствуя, что обстановка сгущается и может привести к аресту, отец Николай все чаще стал раздумывать над тем, как избавиться от опасного соседства с осведомителем. В 1939 году арестовали второго священника Ильинского храма, и отец Николай решил проситься туда. Придя к настоятелю Ильинского храма, он попросил взять его к себе в причт, напрямую назвав и причину, не зная тогда, что и тот является таким же осведомителем.

Протоиерей Николай Беневоленский

С октября 1939 года отец Николай стал служить в Ильинской церкви. Протоиерей Федор Казанский, однако, не оставлял его своим вниманием и стал заходить к нему домой. Придет, бывало, и скажет: «Батюшка, а я вот гулял и решил вас навестить. Что это о вас ничего не слышно давно. Вот и решил вас навестить». И приходилось его принимать и отвечать на его досужие вопросы. Отец Николай с трудом тогда скрывал тревогу, а супруга старалась принять протоиерея Федора с любовью, оказать ему христианское гостеприимство, напоить его чаем и получить от Христа Спасителя награду за оказание гостеприимства врагу.

В конце концов на основании его донесений 9 января 1940 года было выписано постановление на арест протоиерея Николая Беневоленского, в котором вкратце были повторены формулировки доносчика.

Протоиерей Николай в дни служения вставал очень рано и в пять часов утра уже отправлялся из дома в храм, потому что идти приходилось пешком. 11 января 1940 года в шесть часов утра в дом, где жил священник с семьей, постучали сотрудники НКВД – сверху наброшено штатское пальто, под ним – военная форма.

– Мы к вам, – сказал один из них, – вот ордер на арест. Мы должны сделать обыск. Где находится Николай Владимирович?

– Его нет. Ушел служить в церковь, – ответила Агния Владимировна.

– Как? Так рано?

– Да. Так рано. Он рано уходит. В шесть часов служба.

Они переглянулись, и один из них сказал:

– Ну, начнем обыск.

Стали переворачивать вещи, в основном забирая письма. Затем, расспросив, где находится храм, двое сотрудников направились туда, а один остался сторожить в квартире. Отец Николай в это время служил. Чтобы не поднимать излишнего шума, мучители дали ему завершить литургию, затем было совершено отпевание школьной учительницы, которая учила детей отца Николая частным порядком, так как власти не допускали их в школу и им приходилось сдавать экзамены экстерном. Когда священник вышел из храма, сотрудники НКВД подошли к нему и заявили, что он арестован и ему необходимо возвратиться домой для продолжения обыска.

Обыск закончился в третьем часу дня. Перед тем как уйти, отец Николай благословил всех домашних иконами и попрощался. Сначала его отправили в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД, а затем в Таганскую.

После ареста он сразу же был допрошен; следователь поинтересовался его родственниками и знакомыми и в конце допроса спросил:

– Вы знали старца Алексия?

– Да, знал. Это мой дядя, брат моей матери. Он был иеросхимонахом Зосимовой пустыни, в двадцати километрах от Загорска. Последнее время он проживал в городе Загорске. В 1928 году он умер. Как старец, он имел большой авторитет среди верующих.

Допросы начинались во второй половине дня, заканчиваясь глубокой ночью, что было довольно мучительно, так как днем в тюрьме не давали спать, а придя после допроса в камеру, не всегда возможно было сразу уснуть.

Располагая показаниями осведомителя, следователь понуждал священника их подтвердить, но отец Николай отвечал, что антисоветских разговоров при встречах не велось, во всяком случае, он их не помнит. Но сам он антисоветские взгляды высказывал, потому что недоволен советской властью, но не помнит, в чем они заключались и когда были высказаны.

– Следствие не удовлетворено вашим ответом. Если вы высказывали антисоветские взгляды, то вы должны помнить, когда вы их высказывали, где и в присутствии кого.

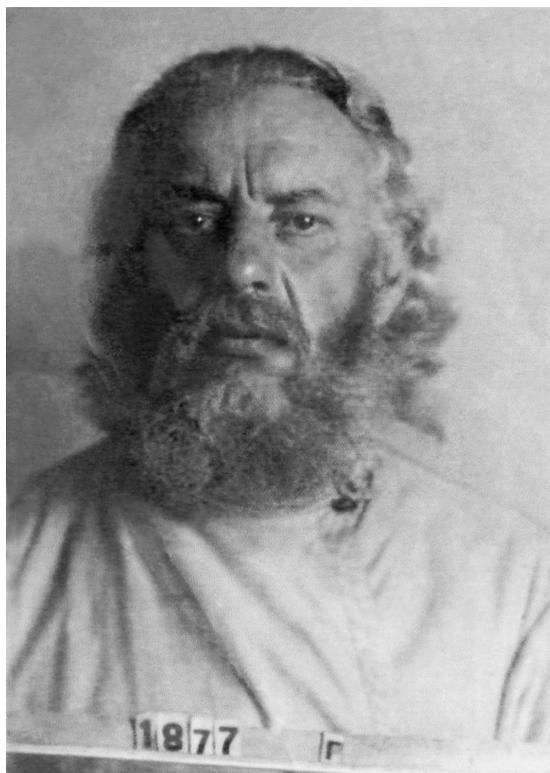
– Я этого не помню, – повторил священник.

– Вы сожалели о царской власти? – спросил его следователь.

– Да, я о царской власти сожалел.

– Вы сочувствовали советской власти?

– В первые годы существования советской власти я к ней относился безразлично. Но потом я стал недоволен советской властью и подвергал критике ее политику.

*Протоиерей Николай Беневоленский.
Москва, тюрьма НКВД. 1940 год*

В Таганской тюрьме в камеру к отцу Николаю был помещен осведомитель, старавшийся вывести священника на откровенный разговор. 26 января 1940 года он донес следователю, что отец Николай «жаловался на то, что арестовывают священников “ни за что”, что политика в СССР такая, чтобы в 1940 году арестовать всех священников. Беневоленский говорит, что НКВД всех священников посылает в такие лагеря и местности, где они умирают... Жаловался Беневоленский на “чрезмерные”, по его словам, налоги... Семья Беневоленского, в особенности его дочь старшая... уговаривала отца не платить вовсе налога, так как, по ее словам, отца должны рано или поздно арестовать, и тогда деньги, мол, все равно пропадут... Беневоленский говорил, что он “не хвалил” советскую власть за то, что она якобы преследует церковников. Он считает, что старший священник в Загорске – “благочинный” – является секретным сотрудником НКВД и “выдает священников”, что это “низкий и подлый”, по его словам, человек, – предатель. Беневоленский, находясь в камере, постоянно молится, читает, а иногда вполголоса поет молитвы. Не соблюдает правила внутреннего распорядка – не спит ночами, а спит иногда днем, за что неоднократно получает замечания надзора».

Допросы продолжались около месяца, в течение которого следователь всячески старался запутать священника.

– Обвиняемый Беневоленский, вы признали себя виновным в проведении антисоветской агитации. Но между тем конкретных показаний по этому вопросу почти не дали. Чем это объясняется?

– На прошлом допросе я показал, что я критиковал политику советского правительства в вопросе войны с Финляндией. Кроме того, я был недоволен политикой советской власти в области школьного дела. Я считал, что в школах необходимо ввести преподавание Закона Божия. Но советская власть это запрещает.

Политику советской власти в этой области я также подвергал критике. Я был недоволен советской властью потому, что она закрывает храмы. Других фактов антисоветской агитации я сейчас вспомнить не могу.

– Следствие располагает данными, что вы среди колхозников проводили агитацию, направленную против колхозного строя. Вы признаете себя в этом виновным?

– Нет, не признаю. Я не помню, чтобы я проводил агитацию среди колхозников против колхозного строя.

– Вы показали, что критиковали политику советской власти в области школьного дела, что вы выражали недовольство советской властью за то, что она запрещает преподавание Закона Божия в школе и закрывает храмы. Скажите, среди кого вы подвергали критике политику советского правительства в этой области?

– Я подвергал критике политику советской власти по вышеуказанным вопросам среди верующих. Много верующих приходят ко мне на исповедь в церковь. В разговорах с ними я критиковал политику советской власти. Фамилий верующих я не помню.

– Вспомните фамилии этих верующих и назовите их следствию.

– Фамилий верующих я вспомнить не могу.

– На допросе 17 января... вы ответили: «Сущность моих антисоветских высказываний сводилась к тому, что я говорил о необходимости свержения советской власти и восстановлении царизма, высказывал сожаление о жизни при царской власти, выражал недовольство существующим в СССР строем и подвергал антисоветской критике политику партии и советского правительства». Подтверждаете ли вы этот ответ?

– Этот ответ я подтверждаю не полностью. О необходимости свержения советской власти я не говорил.

29 февраля следствие вынесло постановление: поскольку «направление дела Беневоленского в суд связано с допросом и вызовом в судебное заседание двух секретных осведомителей, которые в настоящее время продолжают разработку антисоветски настроенных лиц, что может повести к их расшифровке и срыву разработки... следственное дело... по обвинению Беневоленского... направить на рассмотрение Особого Совещания при НКВД...».

3 июня 1940 года Особое Совещание при НКВД СССР приговорило протоиерея Николая Беневоленского к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 12 июля 1940 года отец Николай прибыл в Карлаг на станцию Карабас в Казахстан, и 2 августа 1940 года был отправлен в Спасское отделение Карлага. 13 августа он писал своим родным из лагеря: «Приехал я в Спасское, лагерь для инвалидов, в Ильин день, но пишу только сегодня, потому что это день писем. Я могу писать только однажды в месяц, вы можете писать сколько угодно. Поэтому пишите как можно чаще, мне будет веселее. Страшно скучаю по вас... Я думаю, что вы живете теперь в большой нужде и некому усладить горечь вашей жизни, как,

бывало, делал это я. Страшно каюсь, что не был ласков с вами, и думаю, не наказан ли я за это долгой разлукой с вами... Как устроились?.. Есть ли служба в Посаде?.. Какова судьба благочинного?.. Я работал в обувной, рвал резину для подошв из резиновых шин, а завтра перехожу в гончарную... Дорогие дети! Простите меня и ради меня слушайте маму, не раздражайте ее – ей, бедной, и так тяжело, и она нуждается в вашей ласке и заботах. Обо мне не забывайте – пишите чаще и помогайте мне тем, в чем я особенно нуждаюсь и о чем вы знаете, и да совершится над нами Его воля...»

В следующем письме, 6 сентября, отец Николай писал супруге и детям: «Погода стоит днем жаркая, а ночью холодно. Климат неважный, очень сильные ветры, так как местность представляет из себя степь, которая имеет множество курганов... трава вся выжжена. Растительности абсолютно нет никакой, а также и воды. Хожу работать на плотину, рою землю, ношу носилки... Дорогие мои, не забывайте меня и чаще делайте для меня то, о чем просил вас в том письме. Особенно приложите все заботы ваши к маме, успокаивайте ее, будьте спокойны, не унывайте... Шлю свое благословение...»

2 октября 1940 года отец Николай писал: «Теперь работаю на овощехранилище по разборке овощей, картофеля и лука. Работаю с 7 до 11 и с 2 до 6 часов... Здоровье мое удовлетворительное, только в ногах слабость, а главное – тоска и уныние, против которых единственное лекарство, которым в Загорске я пользовался ежедневно, а здесь его совсем не вижу... За посылку большое спасибо. Получил все в целости... Должно быть, очень дорого обошлась вам посылка, так что в будущем вы пока воздержитесь от них, хотя, конечно, получать их доставляет мне большое утешение...»

29 октября отец Николай писал супруге и детям: «Ты спрашиваешь меня о вещах... Скажу тебе откровенно, что шуба моя поизносилась со стороны подкладки, требует значительного ремонта, варежка осталась только одна, шапка цела, а скуфейка куда-то пропала. Ввиду работ, мне необходимо было бы иметь теплую ватную курточку и штаны. Если будет какая-либо возможность выслать это, то вышлите какое-нибудь старенькое... Ватный подрясник я отдал одному молодому неимущему человеку, который поехал на север и не имел ничего теплого, а я думал, что не буду нуждаться в теплом, думал, что еду на юг, – оказалось, что здесь бывают жестокие и сильные бураны. Воротник у шубы совершенно износился, хорошо было бы, если бы ты прислала мне башлык... Ты пишешь, не сержусь ли я на тебя? За что могу сердиться на тебя?.. Ты всегда была для меня ангелом-хранителем. Я только недоволен собою и во всем всегда виню себя. Посылку я получил вчера. Большое спасибо... Сколько беспокойства доставляю я вам. Простите меня за это беспокойство. Если буду жив и здоров, постараюсь отблагодарить вас... Возложим же свое упование на Того, Кто Один только дает нам утешение и отраду. Не оставляй меня в своих просьбах к Нему.... Дорогие мои дети... прошу вас снова: заботьтесь о маме, не огорчайте ее, утешайте и не оставляйте меня в том, что мне едино на потребу...»

В каждом письме отец Николай просил прислать ему черных сухарей, что было самым необходимым при голоде в лагере, и теплых вещей. 2 февраля 1941 года он писал жене и детям: «Я физически здоров, натрудил здесь себе ногу худыми валенками, но теперь все это прошло. Совсем иное – настроение духовное, ощущение туги и тоски и томление духа... письма не доходят быстро по случаю страшных буранов, о которых трудно и представить у вас. Ваши самые сильные

метели ничто по сравнению с маленьким бураном. Недавно буран сильный продолжался десять дней, в это время прекращается всякое сообщение с железной дорогой, от которой мы оттопали сорок одну версту. Даже были большие затруднения с доставкой продовольствия. Посылку со съестным я получил и также прошу усердно прислать мне каких бы то ни было сухариков... Без вас и вашей помощи я обхожусь с трудом: страшно обносился и по своему виду не имею ни вида, ни величия... Не забудьте переслать мне черную и белую катушку, иголку, бумагу и конвертов. Это у меня последний конверт...»

19 марта отец Николай написал родным: «Я, слава Богу, жив, но не совсем здоров... Сейчас нигде не работаю. Всюду, куда ни поступлю, всюду я непринятый работник. Последнее место мое было на прядильной фабрике, но ничего не вышло. Спасибо за посылку... Сейчас у нас ростепель. Все распустилось, и везде вода. Бодрости духа никак не приобретешь. Сейчас такое хорошее время, время поста, а здесь его не чувствуешь. Нет необходимого средства благодатного... Теперь время поста. Поэтому прошу у вас всех прощения, тем более что я виновник всех бедствий. Простите меня все и за все... Жестокое Божие наказание поразило меня. Но не будем отчаиваться. Будем уповать на Его милосердие. В мое отсутствие сколько умерло хорошего народа. О деньгах не беспокойся. Денег у меня 120 рублей, и на них ничего не купишь. За все твои заботы обо мне большое спасибо. Если можешь, вышли мне что-нибудь соленькое... даже необходимо сколько-нибудь соли (у нас нет), луку, чесноку... а еще частый гребешок (тот своровали). Извини, что я к тебе пристаю все с просьбами...»

19 апреля 1941 года отец Николай послал свое последнее, десятое письмо родным. «Поздравляю вас с торжественным праздником, – писал он, поздравляя их с Пасхой. – Я сейчас лежу в больнице... Слава Богу, обходится пока благополучно. Уповаю и впредь на помощь Божию, и ты тоже не унывай...»

Протоиерей Николай Беневоленский скончался 16 мая 1941 года в Спасском отделении Карагандинского лагеря и был погребен в неизвестной могиле.

В 1902 году, не зная еще, что ждет его впереди, отец Николай в своей кандидатской работе «Первые дни христианства» писал: «Теперь, когда так часто люди в погоне за житейскими, земными интересами забывают Христово учение, когда сам нередко погружаешься в эту суету, чувствуешь, как черствеет и каменеет сердце, – как-то особенно хочется перенестись мыслью за 19 веков, войти в мысли и чувства первых христиан, хоть немножко освежиться и подышать той атмосферой...» И сие исполнилось. Во времена новых гонений на Церковь Христову в XX веке страданиями открывалось для христиан Царство Небесное, напоминая им о христианских заповедях, о Боге, призывая только в воскресшем Христе, Сыне Божиим, вновь обрести свое всецелое упование, надежду и жизнь.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Май».

Тверь. 2007. С. 13-31